

ПОЛИТ/АНАЛИТИКА

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

Российско-иранская встреча в контексте развития взаимодействия в треугольнике Россия-Турция-Иран

В последнее время встречи на высшем уровне лидеров России, Турции и Ирана стали нормой. Шиитский и суннитский региональные лидеры объединились с Россией – мировым игроком – с целью формирования новой региональной системы безопасности. Исторические противники, сталкивавшиеся веками в кровопролитных войнах, в первую очередь на Кавказе, сегодня за одним столом решают наиболее сложные проблемы мира и войны. **Нежелание допустить внешнее деструктивное доминирование Запада в решение сложнейших вопросов, требующих филигранного подхода, а также общее понимание необходимости учета интересов и ценностей друг друга – вот что объединяет сегодня Тегеран, Москву и Анкару.** И если важнейшие контакты с последней, завершившиеся летом, на данный момент – этап уже пройденный, то **переговорный процесс с Ираном на парламентском уровне только начинается,** и от его результата будут зависеть не только двусторонние отношения, но и вопрос урегулирования сирийского кризиса на Ближнем Востоке, а также **дальнейшая судьба так называемого астанинского процесса.**

Вслед за министрами Турецкой Республики, посетившими Москву в конце августа, в Россию устремились высокопоставленные лица Ирана. На повестке дня уже который день находится межпарламентская встреча двух государств, которая состоялась 6 сентября, а Волгоград, выбранный местом ее проведения, на время стал центром мировых политических процессов,

приковавших к себе внимание международного сообщества. **Российско-иранская Межпарламентская комиссия высокого уровня**, возглавляемая спикером Государственной Думы В.В.Володиным с российской стороны и спикером Исламского консультативного совета А.Лариджани со стороны Ирана, призвана обсудить важнейшие с точки зрения двусторонних и международных отношений вопросы относительно взаимодействия России и Ирана, прежде всего, в торгово-экономической сфере, а также по вопросу контртеррористической проблематики в Сирии.

Фактически данная встреча является продолжением контактов, осуществленных сторонами в апреле текущего года, когда делегация Госдумы нанесла официальный двухдневный визит в Исламскую Республику Иран, а также **подготовкой к саммиту в формате Россия – Турция – Иран и «сверкой часов» по ключевым вопросам**. Необходимо отметить, что, Госдума еще в апреле, после визита делегации в Иран, отмечала, что **отношения нижних палат парламентов двух стран постепенно выходят на новый уровень** – тогда В.В.Володин провел переговоры с президентом Иранской Республики Х.Роухани, открыл заседание российско-иранского делового форума, принял участие в подписании регламента межпарламентской комиссии, реализация деятельности которой, однако, была только в планах. Теперь же вышеупомянутая комиссия с готовностью начинает свою работу, и первое ее заседание в рамках ответного визита А.Лариджани в Россию

символизирует новый этап развития российско-иранских отношений.

Как уже отмечалось, 6 сентября состоялась одна из важнейших российско-иранских встреч за последнее время. Нужно отметить, что прошла она достаточно плодотворно и, более того, придала обеим сторонам уверенность в том, что такого рода контакты необходимы, и их следует как можно активнее развивать, укреплять и продолжать. Судя по заявлениям о важности первого заседания Комиссии, которые делали представители обеих стран, причем и до начала, и по завершении встречи, России и Ирану действительно удалось установить прочный и, вероятно, долгосрочный двусторонний диалог в новом для них измерении – парламентском. Как, например, поделился своим наблюдением А.Лариджани, **Россия и Иран имеют общее видение по вопросу развития двусторонних отношений.**

Вместе с тем, председатель иранского Меджлиса своевременно выразил надежду относительно необходимости перехода от теории к действиям, тем самым подчеркнув важность практической реализации выработанных в ходе заседания идей и решений, а председатель Государственной Думы, в свою очередь, добавил, что все решения, в том числе и принятые на высшем уровне, должны быть сопровождены законодательно.

Еще одной тематикой переговорного процесса стало межрегиональное сотрудничество. По итогам встречи

парламентарии подтвердили, что целых **18 иранских провинций осуществляют сотрудничество с областями России**, что является достаточно неплохим показателем. Что касается обсуждения вопросов торгово-экономического сотрудничества, прежде всего, относительно нефти, транспорта, промышленности и инвестиций, которые также были вынесены на повестку дня, то В.В.Володин отметил позитивную динамику в этой области, подкрепив свое суждение реальными доказательствами – товарооборот между двумя государствами вырос приблизительно на 30%, не говоря уже о развитии двусторонних проектов и взаимозачетов национальных валютных фондов.

Не остался без внимания и **вопрос сотрудничества по борьбе с терроризмом**, где, по мнению обеих сторон, Россия и Иран сегодня играют особо важную роль.

Что касается конкретных решений, принятых в ходе заседания, то, по предложению А.Лариджани, поддержанным его российским коллегой, стороны договорились назначить определенных лиц, первоочередная обязанность которых будет заключаться в поддержании диалога между нижними палатами двух государств.

Отдельно стоит отметить, что **странами обсуждалась подготовка к третьему совещанию спикеров парламентов стран Евразии, что говорит о планировании государствами дальнейших контактов на парламентском уровне.**

Таким образом, подводя итоги заседания межпарламентской Комиссии России и Ирана, достаточным

будет сказать о том, что в конце встречи В.В.Володин объявил о том, что второе заседание Комиссии по сотрудничеству между Государственной Думой и Меджлисом Ирана будет проведено уже в первом полугодии 2019 года, однако теперь в Иране, а это значит, что диалог удался и **такого рода формат удобен обеим сторонам и российско-иранские отношения развиваются в правильном направлении.**

Говоря о двустороннем взаимодействии России и Ирана, следует подчеркнуть, что интересы Иранской Республики и России всегда частично совпадали, а Иран почти всегда рассматривался в качестве стратегического партнера. Дипломатические отношения двух государств были установлены еще в 1921 году вследствие подписания советско-иранского договора, однако никогда не были простыми. В советские годы они осложнялись рядом факторов и событий, среди которых присоединение Ирана к Багдадскому пакту в 1955 году, ввод советских войск в Афганистан в 1979, что рассматривалось Ираном в качестве агрессии против мусульманского государства, достаточно теплые отношения СССР с Ираком во время ирано-иракской войны 1980 года и так далее. Несмотря на это, принципиально важный для обеих сторон вопрос статуса Каспия, заинтересованность Ирана в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии, а также необходимость сохранения стабильности в этих и других регионах стали одними из главных факторов, способствовавших постепенному сближению государств. Заметная

активизация контактов прихлась уже на постсоветский период, когда стороны подписали Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран в 2001 году, заложивший основу дальнейшего развития отношений, а начиная с 2013 года, участились визиты глав государств на высшем уровне. Кроме того, были налажены двусторонние связи на уровне министерств и ведомств, как, например, ежегодно организуемые межмидовские консультации, создание Комиссии высокого уровня по вопросам сотрудничества в сфере высоких технологий, а также межправительственной Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и других. Теперь можно с уверенностью утверждать, что именно эти контакты, осуществляемые в рамках вышеуказанных структур, принимая во внимание прошедшую межпарламентскую встречу, благоприятно влияют на активное налаживание парламентских связей и планомерное достижение координации практически на всех уровнях.

Установление таких межпарламентских комиссий является сегодня особенно важным в том числе и с той точки зрения, что в рамках их работы все двусторонние соглашения проходят ускоренный процесс ратификации, в то время как при заключении любых соглашений с третьими сторонами будут учитываться интересы двух сторон, озвученные ранее на заседаниях этих комиссий. На сегодняшний период времени такое взаимодействие также приобретает особую значимость в свете разговоров о

создании Конституционного комитета Сирии, запланированного на конец сентября после предварительной встречи стран-гарантов перемирия и специального посланника генерального секретаря ООН по Сирии Стаффана де Мистуры с целью обсуждения аспектов формирования комитета. Уже на данном этапе понятно, что многие вопросы будут связаны с некоторыми противоречиями, которые должны быть урегулированы до начала переговоров по этому вопросу. В этом контексте **межпарламентская встреча России и Ирана является как никогда своевременным и удобным случаем для того, чтобы согласовать позиции относительно представительства в сирийском парламенте этноконфессиональных течений и национальных групп,** включая вопрос квот для национальных меньшинств, который особенно важен для иранской стороны ввиду наличия таких квот в национальном парламенте, а также по вопросу определения количества представителей.

При этом важно понимать, что **предпосылки к достижению такого рода координации существуют у России и с Турцией,** с которой она активно пытается выстроить похожую линию сотрудничества.

Интересным также является тот факт, что отношения России с этой страной, которая также является участницей союзнического треугольника формата Россия – Турция – Иран, развивались почти параллельно с российско-иранскими. Несмотря на то, что первые контакты между двумя странами были установлены значительно раньше,

чем с ИРИ, во времена СССР стороны также подписали двусторонний Московский договор о дружбе и братстве, закрепивший за собой установление дипломатических отношений, однако позже российско-турецкие отношения, как и в случае с Ираном, не развивались стремительно ввиду нейтралитета Турции во времена Второй мировой войны, вступления ее в НАТО и других факторов. Через год после распада Советского Союза, в 1992 году, Российская Федерация и Турецкая Республика подписали Договор об основах отношений, ставший базовым документом, регулирующим современные двусторонние отношения. Позднее государства также наладили двустороннее взаимодействие на разных уровнях, которое, однако, временно прервалось в результате инцидента с Су-24 в 2015 году. Сегодня стороны осуществляют двусторонние встречи и переговоры на уровне глав государств и министров, возобновлена работа Смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, а также наблюдается развитие межпарламентского взаимодействия, несмотря на то, что создание межпарламентской комиссии с Турцией, аналогичной российско-иранской, пока только планируется.

Последний раз визит на парламентском уровне осуществил председатель Госдумы В.В.Володин, который посетил Анкару 18 августа и провел переговоры со спикером Великого национального собрания Турции Б.Йилдыром, отметив при этом **успехи Москвы, Анкары и**

Тегерана в вопросе урегулирования сирийского кризиса и борьбе с терроризмом в целом. Устранение и предотвращение террористических угроз действительно является одним из ключевых направлений деятельности всех трех государств, которое активно обсуждается сторонами в том числе и на парламентском уровне, в случае России с Ираном – и на созданной межправительственной комиссии в целях обмена опытом правового регулирования антитеррористической деятельности. Тем не менее, даже таких двусторонних контактов не всегда бывает достаточно для согласования позиций и выработки плана действий. По этой причине **Россия, Турция и Иран, объединенные стремлением бороться против международного терроризма и урегулировать ситуацию в Сирии, были вынуждены создать отдельный формат переговоров,** первый раунд которых прошел 23-24 января 2017 года в столице Казахстана.

В то же время главы России, Турции и Иранской Республики приняли решение проводить трехсторонние встречи для обсуждения главных событий, находящихся на повестке дня. Первая встреча в таком формате прошла в ноябре 2017 года в Сочи. Тогда лидеры трех стран обсуждали послевоенное устройство САР. Дискуссия по этой теме по сути продолжилась в январе в ходе Конгресса национального диалога, главным итогом которого стало создание конституционной комиссии по подготовке новой Конституции Сирии. Следующий этап переговоров

состоялся меньше, чем через полгода – в апреле текущего года в Анкаре, по результатам которого стороны условились продолжать сотрудничество в области борьбы с терроризмом, а также обсудили вопросы относительно гуманитарной помощи и разделения вооруженной оппозиции и террористических группировок. Следующая встреча запланирована на 7 сентября. На этот раз она состоится в Тегеране и станет очередной попыткой трех лидеров обсудить сирийский вопрос.

«АСТАНИНСКИЙ ПРОЦЕСС» – ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СИРИИ

Основой для урегулирования наиболее запутанного кризиса на Ближнем Востоке – сирийской проблемы – являются несколько переговорных площадок. Первая из них – Женева, которая начала функционировать в 2012 году. Минусы этого переговорного механизма, главным из которых является недостаточность представительства всех сирийских военно-политических сил, **побудили глобального участника мировой политики – Россию, а также региональных игроков – Турцию и Иран – учредить новую переговорную площадку с максимально возможным количеством представителей от разных участников внутривосточного кризиса.** Ею стала «Астана» - по названию столицы Казахстана, где проходят переговоры. Поэтому такого рода переговоры и называют межсирийскими, поскольку в них участвуют не две, три политические силы страны, а десятки, и даже сотни,

считающие себя полномочными представителями всего сирийского народа или какого-либо района государства.

Досье такого регионального взаимодействия трех государств впечатляет: с января 2017 года, когда впервые стартовал Астанинский мирный процесс, прошло десять встреч на экспертном и высоком уровнях. **Астанинский формат, инициатором которого выступил российский президент Владимир Путин, призван, в первую очередь, снизить уровень насилия в стране и перевести военное урегулирование конфликта в политическую плоскость.**

В конце июля этого года прошло юбилейное, десятое заседание экспертных групп на уровне заместителей министров иностранных дел стран-гарантов процесса политического регулирования – России, Ирана и Турции. Несмотря на то, что эта встреча была перенесена в Сочи (по соображениям безопасности и из-за более мягкого климата), мирный процесс по-прежнему носит название «Астанинского». Любому подобному политическому событию, связанному с сирийским кризисом, предшествуют серьезные изменения, что называется, «на земле». Накануне десятой встречи Астанинского формата сирийские правительственные войска осуществили очередное продвижение на юго-западе страны и вышли к Голанским высотам, тем самым достигнув границы с Израилем. Это, в свою очередь, повысило значение израильской стороны в кризисе, поскольку Тель-Авив крайне недоволен возвращением под контроль своего старого недруга приграничных районов Сирии. Такое недовольство

сопровождалось обстрелами сирийской территории и ударами по ВВС Сирии со стороны Израиля. Со стороны ООН, как основополагающей для современного мироустройства международной организации, принимал участие специальный посланник генерального секретаря ООН Стеффан де Мистура. Делегация ООН, в состав которой вошли многочисленные эксперты, предоставляла юридическую и организационную помощь государствам-гарантам по вопросам возвращения беженцев и обмена военнопленными.

Основной задачей последних встреч Астаны является внедрение разрозненных проправительственных и оппозиционных политических сил в подобию будущего устройства сирийского государства, а также создание механизмов для их коллективного взаимодействия. Участие как правительственной делегации, так и объединенной умеренной оппозиции повышает роль и значение Астаны, однако столкновения внешних игроков, их разногласия и меняющиеся позиции замедляют мирный процесс, как, например, это случилось и во время десятой встречи, когда обсуждалась роль Ирана и проиранских военизированных подразделений. Жизненно важное значение территории Сирии и для Ирана, и для Израиля ставит большие препятствия для смягчения международной напряженности вокруг САР.

Такие серьезные изменения произошли и накануне встречи на высшем уровне с участием глав России, Ирана и Турции, которая пройдет 7 сентября в Тегеране.

Существенно важным является вопрос о размежевании оппозиции и террористических группировок. Вопрос заключается в том, какие именно группировки можно считать террористическими. Так, например, если Россия и Иран солидарны друг с другом в этом вопросе и считают источником угроз официально признанные террористические группы, то Турецкая Республика, признавая необходимость такого разграничения, имеет свое мнение по этому поводу. К террористам, в понимании Турции, можно отнести Курдский национальный совет и Демократический союз (два главных оппозиционных блока сирийской войны) за их предполагаемые связи с Рабочей партией Курдистана, деятельность которой в Турции запрещена и признана террористической.

Например, Идлиб для Турции чрезмерно важен со стратегической точки зрения. Турция не хочет терять контроль над данным регионом с целью последующего закрепления в Сирии, но еще больше она не желает перехода этой провинции под контроль официального Дамаска. В связи с этим в последнее время все чаще наблюдаются маневры ВС Турции вблизи приграничных сирийских территорий. Так, турецкие военные были замечены при переброске сил на границу с Сирией, а также Турцией был расширен лагерь сирийских беженцев Атме и укреплены 12 наблюдательных пунктов в Идлибе. При этом Анкара объясняет эти действия необходимостью защиты своих границ от волны беженцев в случае наступления правительственной армии на Идлиб.

Для России, в свою очередь, провинция Идлиб носит чрезвычайно важный характер для обеспечения безопасности военных, дислоцированных на военной базе Хмеймим и выезжающих для контроля за соблюдением режима прекращения огня. Именно оттуда осуществлялись вылазки террористов на российские и сирийские правительственные позиции, а также отправки беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для бомбардировки российской военно-воздушной базы.

Несмотря на то, что провинция Идлиб, в соответствии с соглашением о создании зон деэскалации, подпадает под зону ответственности турецких вооруженных сил, **российским войскам приходится упреждать новые вражеские акции и брать дело по окончательной ликвидации терроризма в Сирии в свои руки.**

Несмотря на одинаковость целеполагания, как уже отмечалось, есть существенные различия в области восприятия групп влияния, могут возникать недопонимания относительно террористических группировок, форм и методов влияния, будущего Сирии в политическом и экономическом планах. Однако важнее всего то, что «треугольник» является прочной основой будущего, показательным примером для региона и – что важнее – мира, как на основе инклюзивного процесса и уважения интересов друг друга можно решать сложнейшие вопросы и формировать региональную подсистему безопасности, формирование которой происходит не только в трехстороннем формате, но, что важно, и в рамках

двусторонних отношений России и Ирана, Ирана и Турции, России и Турции.

Задолго до того, как сирийские войска начали осуществлять наступления в 2016 году, ситуация вокруг Сирии сложилась далеко не в пользу правительства и внешних игроков, оказывающих ему поддержку. Военно-политический расклад на региональном пространстве подтолкнул двух партнеров по урегулированию сирийского кризиса и совместной борьбе с терроризмом – Россию и Иран – к координации не только боевых действий, но и мирных инициатив, которые отвечали интересам обоих государств. Так называемая «московская группа» сирийской оппозиции, играющая одну из ключевых ролей на переговорах в Женеве, Сочи и других миротворческих площадках, появилась благодаря усилиям как российской, так и иранской сторон.

Ядром этой группы выступил Комитет национального диалога (КНД), сформированный в 2012 году, а сама группа стала плодом двух переговорных процессов – Москвы-1 и Москвы-2, которые проводились весной 2015 года. Стоит отметить, что КНД включает в себя умеренную оппозицию, которая допускает сохранение Асада у власти, при этом большая часть членов «московской группы» представляют лояльные правительству политические силы. Сотрудничество по региональным делам России и Ирана активнейшим образом проявляется в рамках и Астаны, и встреч на высшем уровне. Иранская сторона в лице министра иностранных дел Мохаммада Джавада Зарифа

признает позитивным деятельность триады, более того, считает ее «единственным успешным путем разрешения сирийского кризиса».

КОНТАКТЫ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ – ЗАЛОГ УСПЕХА ВСЕЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

В состав делегаций, входящих в межпарламентскую комиссию стран-партнеров, входят представители различных комитетов законодательных органов. Это делает межпарламентские контакты всеобъемлющими, а взаимопонимание между государствами улучшается. **Межпарламентские встречи России и Ирана проходят с достаточной частотой, свойственной государствам, характеризующим свои отношения как стратегические.** Как уже отмечалось, еще в начале апреля спикер Госдумы Вячеслав Володин во время своего визита в Тегеран подписал со своим иранским коллегой Али Лариджани регламент межпарламентской комиссии высокого уровня, заседание которой прошло 6 сентября.

Институционализация такого важного элемента межгосударственных отношений демонстрирует уровень этих отношений. Сегодня правящими кругами осознается необходимость формирования такой же комиссии с турецкой стороны, что навевает на мысль о многогранном развитии отношений России со своими ключевыми партнерами по миротворческому процессу в Сирии. Возможно и Москва, и Анкара уже поняли и осознали свою ошибку, допущенную в отношениях, которая и привела к

трагедии 24 ноября 2015 года – отсутствие постоянного политического диалога между Россией и Турцией на всех уровнях, в первую очередь, в сфере безопасности, и акцентирование внимания только лишь на экономическом и культурном аспектах взаимоотношений.

Что касается отношений Москвы и Тегерана, то здесь ситуация прямо противоположная: имеются плотные политические связи и прочные контакты, но отсутствует достаточная финансово-экономическая подпитка для такого политического сотрудничества. В 2017 году товарооборот России и Ирана, по данным Торгово-промышленной палаты России (ТПП РФ), составил всего 1,7 млрд. долларов – весьма незначительная цифра для государств, утверждающих о стратегическом характере их взаимоотношений. По заявлению главы ТПП России Сергея Катырина, в ближайшие годы этот показатель может вырасти в 10 раз: до 10 млрд. долларов США. При этом, по состоянию на 2017 год, показатели российского экспорта в Иран составили 1,3 млрд. долларов, в то время как импорта из Ирана – 392 млн. долларов. Многообещающие бизнес-площадки, форумы и выставки пока не обеспечивают отдачу, которую так ждут политические круги России и, особенно, Ирана на фоне ухода европейских компаний из Иранской Республики после кратковременного «головокружения от успехов» вследствие отмены санкций против Тегерана.

Теперь для российских компаний открылись хорошие возможности для входа на иранский рынок: здесь и

благоприятный валютный климат, и снижение конкуренции. А последствия наложения санкций США на эти компании им не особенно страшны: многие из них уже оказались в злополучных списках. Российская и иранская стороны заинтересованы в развитии инфраструктуры на иранском побережье Индийского океана для последующего строительства торгового пути «Север-Юг», а также иранцы нуждаются в поставках российского зерна, комбикормов и растительного масла, мяса крупного рогатого скота и птицы. Развитию торговли препятствует слабая инфраструктура путей сообщения между двумя странами, однако решение правового статуса Каспийского моря должно облегчить выстраивание морских маршрутов доставки продукции.

Торгово-экономические отношения Ирана и Турции гораздо более оптимистичны с точки зрения макроэкономических показателей. В 2017 году товарооборот между двумя странами достиг 10,7 млрд. долларов благодаря режиму взаимных преференций. Показатели экспорта Турции в Иран в прошлом году составили 3,3 млрд. долларов, а импорта – 7,5 млрд. долларов. При этом львиную долю как иранского экспорта в Турцию, так и всего объема товарооборота составляют иранские трубопроводные поставки газа, что обеспечивает стабильный профицит в пользу Тегерана. Более того, между двумя странами действует соглашение о ведении торговли в национальных валютах, что было, главным образом, важно для Ирана во время подписания соглашения в 2016

года, а в настоящее время это выгодно и Турции на фоне валютного кризиса в стране. Резкая антизападная риторика и взаимное понимание положения, в которое попали обе страны, сближает руководства Анкары и Тегерана в их борьбе за внешнеполитическую независимость, а, говоря о Турции, и за суверенитет.

С созданием Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ) в ирано-турецких отношениях начался процесс их институционализации, что кардинальным образом влияет на формирование региональной подсистемы, устанавливая, таким образом прочные механизмы диалога и разрешения конфликтных ситуаций. Подписание и введение в действие в 2015 году Соглашения о преференциальной торговле между Ираном и Турцией укрепило торговую составляющую отношений. Регулярные ежегодные заседания ССВУ поочередно в Анкаре и Тегеране укрепляют взаимодоверие между странами. Последнее, четвертое по счету заседание, проведенное 4 октября 2017 года в Тегеране в ходе визита президента Турции Р.Т.Эрдогана, имело повестку дня, направленную больше всего на обсуждение и достижение договоренностей по региональным и международным проблемам, в частности, по Сирии и Северному Ираку, где накануне администрация автономной провинции на севере Ирака, население которой составляют преимущественно курды, провела всенародный референдум по вопросу создания суверенного курдского государства, что не могло не беспокоить соседние Иран и Турцию, на территории

которых курдское население значительно велико. Несмотря на медленный рост товарооборота между двумя странами, политический диалог принял устойчивый характер, что позитивно сказывается и на координации усилий двух стран при решении интересующих стороны вопросов.

Однако пока межпарламентские связи между Ираном и Турцией в формате комиссий не установлены. **Единственной институциональной основой для их взаимодействия остается Азиатская парламентская ассамблея, где главы делегаций встречаются для двусторонних переговоров.**

В этой связи важно отметить тот факт, что у Москвы и Тегерана давно нет иллюзий относительно позиции коллективного Запада, тогда как Анкара, будучи крупнейшей региональной державой и стремясь приобрести статус мирового игрока, только встает на путь самостоятельного развития. По сути, сейчас **в Турции наблюдается отход от прозападного курса и становление политического процесса, ориентированного сугубо на национальное сознание, национальные приоритеты и ценности.** Переход к президентской системе правления ускоряет деятельность в этом направлении, дает большие возможности для поэтапного становления «новой Турции».

Показательными в этой связи стоит считать заявления министра иностранных дел Турецкой Республики М.Чавушоглу, который говорит о том, что новая внешняя политика Анкары будет отталкиваться от понятия «инициативность» (*girişimcilik*), базироваться на реальности,

на том, что происходит «в поле», искать пути сотрудничества с теми, кто готов к такому сотрудничеству. Именно с этим стоит связывать настойчивость Турции в плане приобретения систем С-400 у Москвы, несмотря на санкционное давление из Вашингтона.

Здесь следует отметить, что **все три государства сталкиваются с одинаковыми мерами США.** Речь идет и о санкциях, и о давлении, и о торговых войнах, и о попытках воздействовать на курс национальных валют. Особенно тяжело сказывается на жизни населения снижения курса национальных валют: эта волна прокатилась по России, а затем Турции и Ирану. Все это – основа американского курса по борьбе с переходом от однополярного доминирования к полицентричной системе международных отношений.

Но эффект достигается ровно противоположный – государства делают выводы и переходят к расчетам в национальных валютах, отказываясь от доллара. Из всего этого также можно сделать вывод о том, что достижение такого рода сотрудничества на парламентском уровне, причем не только России, но также Турции и Ирану, необходимо не только с союзниками, но и со странами, которые в список дружественно настроенных государств занести никак нельзя, ведь как показывает российско-иранская и российско-турецкая практика, когда координация между странами осуществляется на всех (или почти на всех) уровнях, можно добиться больших успехов как в осуществлении своих целей, так и целей своих

союзников. Результаты такой деятельности и инициативности России сначала привели к относительному примирению двух давних соперников – Ирана и Турции, а теперь и к созданию новой совещательной площадки с Ираном, что во всех смыслах соответствует интересам Российской Федерации.

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ – ПУТЬ К РАЗНОГЛАСИЯМ

Следует отметить, что Россия, Турция и Иран смогли наладить конструктивное взаимодействие по Сирии, сейчас стоит вопрос о ее будущем, восстановлении инфраструктуры и гуманитарных вопросах.

Однако для дальнейшего движения в двусторонних и многосторонних отношениях следует учитывать имевшиеся ранее ошибки. В качестве примера можно привести идеологизацию отношений в советские годы, эгоистичность США в постбиполярный период, акцент исключительно на экономику в контактах между Москвой и Анкарой после распада СССР. Последствия всех этих процессов разные, в последнем случае отсутствие диалога по безопасности привело к уничтожению российского военного самолета.

Идеологизация внешнеполитических курсов происходит также и у Анкары и Тегерана. Анкара действует практически от имени всего исламского мира, выступая с резкой критикой в отношении Мьянмы и действий ее правительства касательно мусульманского населения этой страны, а также активно действуя на ближневосточном

треке и с большим упором привлекая внимание к напряженности в отношениях Турции и США. Идеологизация иранской внешней политики имела перманентный характер, увеличив только со времен состав своих союзников, добавив туда некогда недружественные страны – Россию и Турцию.

Для поступательного развития отношений требуется не допускать перекосов в сторону одной из сфер – будь то идеология или экономика. Точно также **важно укреплять взаимодействие на всех уровнях – от президентов, правительств и парламентов до бизнеса, науки, образования и некоммерческих организаций.** Всесторонне развитые отношения сломать сложнее, чем те, которые концентрируются на одной сфере и одном уровне. Именно поэтому следует считать чрезвычайно важным тот факт, что в последнее время между Москвой и Анкарой налажился продуктивный диалог на уровне министерств обороны, служб безопасности, общественности, а также парламентов.

В Турции есть достаточно богатая система парламентаризма, которая подразумевает реальную и жесткую конкуренцию между социально-классовыми субъектами в публичной сфере. Вне зависимости от перехода к президентской форме правления, турецкий парламент остается ключевым органом государства. В нем представлены интересы всех слоев общества, с каждым из которых требуется выстраивать диалоговые платформы. В этой связи особого внимания **заслуживает рост контактов между парламентами России и Турции,** что невозможно

бы было без личного участия их руководителей – Б.Йылдырыма и В.Володина.

Чередование визитов глав государств и внешнеполитических ведомств двух стран со встречами председателей палат парламентов России и Турции важен для российской дипломатии, поскольку именно сегодня у Москвы открылось окно возможностей – подтолкнуть Анкару к более независимой внешней политике, что делает турецкую сторону более договороспособной. Визиты ключевых лиц российского государства говорят и об обоюдном повышении уровня доверия, особенно учитывая посещение министром иностранных дел России С.В.Лаврова такого важного политического события в Турции как съезд послов Турции.

Турецкие СМИ позитивно оценивают такого рода контакты, которые контрастируют с натянутыми отношениями Турции с ключевыми странами Запада.

Сегодня наряду с традиционной дипломатией межпарламентские связи получают шанс внести вклад в строительство системы безопасности в регионе Ближнего и Среднего Востока, при том, что для этого есть все институциональные и политические ресурсы. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения России, то инициативы председателя Государственной Думы В.В.Володина по развитию межпарламентских связей – как никогда верны и своевременны, и должны быть реализованы.

Таким образом, в настоящее время развитие Российской Федерацией подобных связей с ключевыми игроками одного из самых конфликтных регионов, где Россия также имеет свои интересы, является одним из наиболее важных факторов успешной внешней политики государства сначала на сирийском и ближневосточном пространстве, а в последствии и во всем мире.